

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-81-85
УДК 130.12(045)

Роль личности в истории в историософских концепциях Г.В.Ф. Гегеля и Н.А. Бердяева

А.С. Платанова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена роли личности в истории в историософских концепциях Г.В.Ф. Гегеля и Н.А. Бердяева. Их непосредственное сравнение представляется настолько трудоемкой задачей, что едва ли может быть выполнено в таком кратком формате, однако наиболее примечательные детали ярче всего обнаруживают себя у обоих философов в вопросе об отношении личности к истории. В ходе исследования было выявлено, что если для Гегеля личность есть часть исторического процесса и подчинена ему, то для Бердяева, напротив, история может быть понята и представлена как средство становления личности. Ход мировой истории, по Гегелю, напрямую зависит от личностной практики. Бердяев же считает, что личность по отношению к истории принципиально первична.

Ключевые слова: личность; история; Г.В.Ф. Гегель; Н.А. Бердяев; историософия; дух; «четвертое измерение»

Для цитирования: Платанова А.С. Роль личности в истории в философских проектах Г.В.Ф. Гегеля и Н.А. Бердяева. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(2):81-85. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-81-85

ORIGINAL PAPER

The Role of the Individual in History according to Historiosophical Concepts of G.W.F. Hegel and N.A. Berdyaev

A.S. Platanova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The present article discusses the role of the individual in history according to the works of G.W.F. Hegel and N.A. Berdyaev, who devoted a considerable part of their efforts to the development of the concept of the philosophy of history. A direct comparison of these two seems too laborious of a task and can hardly be accomplished in this brief format, but the remarkable details of this comparison reveal themselves most vividly in the question of the relation of the individual to history in the concepts of both philosophers. In the course of the research, it was discovered that while for Hegel an individual is a part of the historical process and is subordinated to it, for Berdyaev, on the contrary, an individual includes history as a moment of its formation. Berdyaev believes that an individual is fundamentally primary in relation to history.

Keywords: individual; history; G.W.F. Hegel; N.A. Berdyaev; historiosophy; spirit; "fourth dimension"

For citation: Platanova A.S. The role of the individual in history according to historiosophical concepts of G.W.F. Hegel and N.A. Berdyaev. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(2):81-85. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-81-85

Вопрос о роли личности в истории представляется чуть ли не хрестоматийной темой для ученических сочинений и эссе. Однако его кажущаяся простота в действительности скрывает за собой ряд неявных и необсуждаемых моментов.

Сравнение философии истории Гегеля и Бердяева актуально, во-первых, потому, что для каждого из них историософия — одна из важнейших тем. И для того и для другого, она напрямую связана и с антропологией и концепцией субъекта, а для Бердяева еще и с эсхатологией. В данной статье рассматривается аспект личности в философии истории, так как это может позволить, с одной стороны, провести хотя бы частичное сравнение двух очень сложных и многоплановых историософских концепций, а с другой — противопоставить философский анализ идеологическим коннотациям темы личности в истории.

В первую очередь бросается в глаза, что оба философа в изложении своих позиций явно демонстрируют черты романтической традиции, где исторические личности — уникамы, избранники духа, гении. Такая историческая роль сопровождается для ее носителей самоотречением, вплоть до самопожертвования. Эти повторяющиеся мотивы позволяют говорить об определенном рода преемственности обоих по отношению к романтической традиции в целом. Однако в этих общих чертах уже можно увидеть различия. Для Гегеля исторические личности или деятели истории — это великие правители и государи, «доверенные лица всемирного духа» [1, с. 30]. Их «кроит» сам дух, с их страстями и пороками — такими, какие в данный момент должны служить реализации его замысла. Для Бердяева ход истории представляет собою модель становления судьбы каждого человека, однако указать, кто является его двигателем или субъектом истории не так просто. В его ранних работах можно встретить упоминание в этой роли неких «аристократов духа» (здесь очевидны ницшеанские мотивы), именно им присущи высшие достижения [2, с. 16]. Однако эта идея не получает развития в его поздних трудах.

Предварить более подробное сравнение следует еще одним замечанием. Сама формулировка темы, в том виде, в каком она была здесь предложена, предполагает очень определенное структурное соотношение понятий. Когда мы говорим о роли личности в истории, то заранее предполагаем, что история есть некое целое, включающее в себя

личность как одну из составляющих. Только при этом условии может обсуждаться роль и значение этой части по отношению к целому. Таким образом, поставленный вопрос уже несет в себе отпечаток одной из возможных концептуализаций истории, где она понимается как процесс, в который вовлечено все человечество. Как правило, у процесса есть некая цель (и этапы на пути к ней) и субъект (будь то Бог или Абсолютный Дух, или Разум). К цели человечество идет, проходя определенные этапы, и роль личности рассматривается, чтобы объяснить, каким образом происходит их смена. Развитие, как правило, происходит прогрессивно. Об этом говорится, например, у Гердера, Лессинга, Кондорсе, но особенно — в концепции Гегеля, где за историческим прогрессом он обнаруживал разумное логическое начало. Таким образом, тема данной статьи даже в самой своей формулировке связана с определенной историософской традицией, которая выразилась в особом глобально-процессуальном понимании истории. Тот факт, что эта очевидная мысль, как правило, не становится поводом для обсуждения, говорит, вероятно, о том, что данная традиция до сих пор имеет большое влияние на наше сознание, и не так просто выйти за рамки подобной концептуализации истории.

Вопрос о роли личности в философии истории Гегеля стоит предварить пояснениями о самой философии истории в его изложении. Один из наиболее значимых (особенно для русскоязычного пространства) современных гегелеведов М. Ф. Быкова отмечает, что гегелевскую философию истории часто ошибочно представляют как своего рода секуляризованную эсхатологию, где природа Канта заменяется разумом, который не только управляет ходом мировой истории, но и предопределяет ее траекторию. То есть подразумевается, что история имеет конечную рациональную цель, а ее траектория определена и предзадана. Отсюда неверное понимание значения исторических личностей для Гегеля, которые оказываются всего лишь посредниками — марионетками в руках Абсолютного духа [3].

Т. Пинкард [4] убедительно доказывает, что гегелевское представление об историческом прогрессе мотивировано интересом философа к природе субъективности и попыткой осмыслить ее исторически. Предметом истории для Гегеля является не природа и естественная жизнь, а человек и его социальная жизнь. Именно человеческое общество с течением времени осознает себя (что и есть в некотором смысле — цель истории), и данный процесс

представляет собой постепенное самосознание духа. Это происходит по мере становления социума, когда человечество рефлексирует по поводу своего прошлого.

В такой интерпретации для нас важно, что абсолютный дух — главный, по мысли Гегеля, субъект истории — понимается сугубо социально, вне всяких мистических коннотаций. В контексте такой интерпретации можно утверждать, что абсолютный дух не имеет никакой предзаданной цели истории, напротив, сама цель истории становится известна только в процессе ее достижения. Иначе говоря, цель истории — достижение цели, что равно одновременно и ее осознанию. Это очень знакомая формула из гегелевской логики, напоминающая обоснование тождества генезиса и структуры.

Следует сказать несколько слов и о том, что, согласно Гегелю, дает такой процесс. Самоактуализация Абсолютного духа (которая и составляет всемирную историю) приводит ко все большему осознанию собственной свободы. Целью всемирной истории является «прогресс сознания свободы». Гегель приравнивает истинную свободу к рациональной деятельности, управляемой волей человека. Действительность свободы для него — это этическая жизнь, включающая в себя все отношения и практики. В ней проявляется универсальность мирового духа — движение индивида от семейного к национальному и затем к общинному сознанию. Это для него необходимое условие и самый верный способ достижения частной и общественной свободы [3]. М.Ф. Быкова утверждает, что «изложенная как философия всеобщего «мирового духа» экспозиция его (Гегеля — прим. А.П.) исторического движения раскрывает социальную и общинную природу человечества» [3].

Только в этом контексте поддаются правильной интерпретации высказывания Гегеля об исторических личностях. Именно они достигают цели истории, сообразуясь в первую очередь со своей природой, желаниями и страстями, отличными от содержания всеобщей цели. Однако характер их желаний и страстей таков, что их реализация способствует целям Абсолютного духа, а сами они не случайны, но заранее выбраны Абсолютным духом для реализации его целей [1]. Так может быть коротко описана концепция «хитрости разума» в философии Гегеля, которой он пытается объяснить, как несогласованные частные воли субъектов сливаются в историческую волю народа.

Таким образом, согласно Гегелю, исторические личности — те, кто наилучшим образом способствуют движению истории. Они преуспели в развитии до наивысшей самореализации, и вместе с тем их сознание отождествилось с национальным и общинным. Последнее возможно, когда личность «культивирована», т.е. прочно укоренена в самой культуре, истории, актуальной социальности. С этим связана гегелевская концепция «Bildung» [5, с. 425]. Но Гегель предполагает, что такие случаи крайне редки, и называет лишь несколько имен: Наполеон, Юлий Цезарь, Александр Македонский. Роль таких людей в истории очень существенна: именно они принимают решения, организуют и направляют массы, определяют и выражают дух времени и народа. Что-то по-настоящему менять в истории, согласно Гегелю, могут только они. Однако, чтобы занять такую позицию в истории, они в каком-то смысле уже должны были себя с ней полностью отождествить.

Подводя итог, можно сказать, что ход мировой истории, по Гегелю, напрямую зависит от личностей. Успешность реализации свободы (т.е. осознанности и рациональной активности индивидов и масс) связана с тем, насколько личность, претендующая на исключительную роль в истории, сама сформирована ею (т.е. насколько ее индивидуальный характер отражает потребности исторического момента) и преуспела в социальном, общественном, политическом взаимодействии с другими. Не личность выбирает социум, а социум (Абсолютный дух) выбирает тех, кто в данный момент своими индивидуальными чертами выражает его нужду и потребности.

Для осмысления позиции Н.А. Бердяева по данному вопросу необходимо также предварительно рассмотреть его историософскую идею в целом. При общем рассмотрении трудно не заметить значительного влияния гегелевской историософии. В книге «Смысл истории» Бердяев много внимания уделяет обсуждению гегелевских идей, например, общинности. Отдельным поводом для обсуждения и жесткой полемики становится идея прогресса, которую Гегель фактически обосновывает. Бердяев согласен с той точкой зрения, что во времени раскрывается нечто предзаданное, «внутренние начала бытия» — «как светлые, так и темные, как божественные, так и дьявольские, как начала добра, так и начала зла» [6, с. 150]. Благодаря усилению этих противоречий обостряется и человеческое самосознание.

Но главный приобретаемый с историей опыт этого самосознания — это все большее ощущение противоречия собственного бытия: не связь с социумом, историей, культурой, а, наоборот, разрыв с ними, антагонизм по отношению к ним, внутреннее противоборство. Мировая история в последнем смысле не выглядит для Бердяева как прогресс. Для него неприемлема глобально-процессуальная модель в чистом виде. Все народы, культуры, цивилизации — временны и смертны, они переживают и изживают свою судьбу. В этом смысле Александр Македонский, Цезарь или Наполеон не интересны ему как те, кто так или иначе повлиял на развитие и закат некоторых культур. Драма всемирной истории вершится не в сфере политического, а в сфере духа — там, где у человечества нарастает трагическое осознание собственной надисторической природы и возникают попытки преодоления рабства у времени, которые всегда обречены на провал. «Для того чтобы разрешить задачу истории, неразрывно связанную с природой времени, нужно всю перспективу истории обратить внутрь и от попытки разрешить ее, вытянув во временном историческом свершении, перейти к разрешению ее через выход за пределы истории, через прорыв истории в сверхисторию, через допущение в замкнутый круг истории сил надисторических» [6, с. 154].

Область духа Бердяев отказывается связывать с какой бы то ни было этической, социальной и исторической сферами. В противовес этим трем измерениям он вводит четвертое — духовную реальность, не описываемую с точки зрения трех других. Прорыв в сверхисторию осуществляется прежде всего в индивидуальной судьбе человека, причем в режиме трехмерного восприятия он может носить лишь символический характер. В качестве примера Бердяев говорит об искусстве — вершине человеческого творчества. Однако и это самовыражение — не столько реальный выход, сколько лишь символ. Сама судьба человека, уверен он, должна обретать такой символический характер — тогда открывается недоступное для рационального постижения «четвертое измерение» человеческого бытия.

Гегелевская концепция «хитрости разума», по Бердяеву, невозможна: нет в основании этого мира такой «предустановленной гармонии», которая бы обеспечивала согласие общей и индивидуальных волей — это одна из основных

трагедий истории. Бердяев остро переживает падшество мира, его глубинное неблагополучие и недостаточность и вместе с этим — безразличие истории к судьбе отдельного человека: «История преследует как будто не человеческие цели, хотя в ней действует человек» [7, с. 212]. В этом смысле налицо все более нарастающее противоречие «судьбы индивидуальной с судьбой мировой, с судьбой всего человечества» [6, с. 161]. Так Бердяев понимает столкновение Христа как вестника ноуменального бытия и возможности раскрытия его в личной судьбе человека через освобождение от власти времени, и Великого Инквизитора Достоевского, который, наоборот, хочет длить власть времени над человеком [8, с. 158]. Кто из них играет большую роль в истории?

Сейчас всемирная история предстает перед нами «в перспективе истребляющего потока времени, как бы выброшенная из глубины духа вовне». Но есть и другая перспектива, в свете которой она станет «историей небесной». «Она вернется в глубину, как момент извечной мистерии Духа». Но для этого, уверен Бердяев, необходим «какой-то внутренний сдвиг» [6, с. 161].

Итак, в понимании Бердяева личность, пытающаяся сыграть главную роль в социальной и политической истории, в процессе собственного становления всегда обнаруживает трагическую привязанность ко времени. Выход может лежать лишь в попытке преодолеть ее. Так преодолевается время, например, в духовном подвиге Серафима Саровского или при раскрытии творческих начал в человеке, как, например, у Пушкина или Достоевского. Такая личность в конечном итоге терпит в истории поражение — непонимание, отрицание и забвение. Но она оставляет после себя символическое окно в «иной мир», являющийся не новой альтернативной онтологией и тем более не эсхатологией в смысле представления о каком-то ином, лучшем будущем. Этот «иной мир» — скорее некая возможность реальной свободы человека в настоящем — отсюда и метафора «четвертого измерения», не связанного природной необходимостью с тремя имеющимися. Таким образом, история в судьбе личности играет «материнскую» роль — она нужна ей для становления. Но в то же время личности необходимо сепарироваться, разорвать изначальную природную связь, обрести автономию по отношению ко времени, в частности времени историческому. Однако, поскольку фактически в рамках истории

это невозможно, личность становится собой лишь тогда, когда находит символическое выражение собственной свободы в творчестве.

Подводя итоги, следует отметить, что для Гегеля личность настолько влияет на историю, насколько сама капитулировала перед исторической необходимостью и приняла на себя роль внутри неподвластной ей стихии времени. «Исторической личностью» может стать лишь тот, кто «культивирован», т.е. укоренен в самой

культуре, истории, актуальной социальности. Для Бердяева же вопрос о роли личности в истории, по сути, не имеет смысла. Для него личность принципиально первична. Вопрос может быть поставлен только о роли истории или времени в ее судьбе и становлении, но не наоборот — не история порождает, формирует и в конечном итоге конструирует личность и ее судьбу, а личность переживает историю как момент собственного становления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гегель. Сочинения в 14 томах Т. 8. Пер. с нем. М.; Л.: Соцэкгиз; 1935. 470 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика; 1994. 479 с.
3. Bykova M. The Cunning of Reason in Hegel's Philosophy of History. New York, NY: Routledge; 2021. 286 p.
4. Pinkard T. Does History Makes Sense? Hegel on the Historical Shapes of Justice. Cambridge: Harvard University Press; 2017. 288 p.
5. Bykova M. Hegel's Philosophy of Bildung. New York: Palgrave; 2020. 1108 p.
6. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль; 1990. 176 с.
7. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика; 1995. 383 с.
8. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского. М.: Хранитель; 2006. 254 с.

REFERENCES

1. Hegel. Works in 14 volumes. Vol. 8. Trans. with him. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz; 1935. 470 p. (In Russ.).
2. Berdyaev N.A. Free spirit philosophy. Moscow: Respublika; 1994. 479 p. (In Russ.).
3. Bykova M. The Cunning of Reason in Hegel's Philosophy of History. New York, NY: Routledge; 2021. 286 p.
4. Pinkard T. Does History Makes Sense? Hegel on the Historical Shapes of Justice. Cambridge: Harvard University Press; 2017. 288 p.
5. Bykova M. Hegel's Philosophy of Bildung. New York: Palgrave; 2020. 1108 p.
6. Berdyaev N.A. The meaning of the story. Moscow: Mysl; 1990. 176 p. (In Russ.).
7. Berdyaev N.A. The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar. Moscow: Respublika; 1995. 383 p. (In Russ.).
8. Berdyaev N.A. Dostoevsky's worldview. Moscow: Hranitel'; 2006. 254 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Анна Сергеевна Платанова — преподаватель кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Anna S. Platanova — Lecturer at the Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-9305-6972>

plansk734@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.02.2024; принята к публикации 10.03.2024.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.02.2024; accepted for publication on 10.03.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.